

К 1150-ЛЕТИЮ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Владимир Соловьев

доктор исторических наук, профессор

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ

I–X ВЕКА

Таинственные и увлекательные истории
о славянском мире

КНИГА
ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Владимир Михайлович Соловьев

Древние славяне.

Таинственные и

увлекательные истории о

славянском мире. I-X века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2902317

Древние славяне. Таинственные и увлекательные истории о славянском мире. I—X века. / Владимир Соловьев.: Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-02917-1

Аннотация

При чтении этой книги далекое прошлое славянских народов оказывается вдруг неожиданно близким. Те далекие века почему-то вовсе не кажутся глубокой древностью. Может быть, это оттого, что многое в раннесредневековой истории восточных, западных и южных славян отложилось в легендах и преданиях, сказках и былинах, уже хорошо знакомых читателю, особенно юному. Где и когда было первое упоминание о славянах? Что общего между мифом о Гиперборее и чудо-островом Буяном? Кем на самом деле является Баба-яга? Кто из князей восточных славян вымышленный, а кто настоящий? Почему иностранные очевидцы считали славян дикими и темными?

Содержание

Славянский мир	4
Гей, славяне!	9
От Прикарпатья до Альп	18
Таинственные готы	28
Миф о Гиперборее	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Владимир
Михайлович Соловьев
Древние славяне.
Таинственные и
увлекательные истории о
славянском мире. I–X века
Славянский мир**

В то давнее время, когда мир был наполнен лешими и водяными да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, жили-были древние славяне.

Обычно после слов «жили-были» следуют царь с царицей, старик со старухой или купец с купчихой. Но в данном случае автор этой книги позволил себе маленькую вольность и умышленно заменил в хорошо знакомом сказочном зачине традиционные персонажи древними славянами.

Нам не всегда ведомо то, что с детства памятные русские народные сказки переносят нас в тот стародавний мир, когда человечество едва вышло из поры своего младенчества,

когда общность между народами была гораздо больше, чем сейчас, и многочисленные племена славян считали друг друга близкородственными, связанными узами братства, ведущими род от одного корня.

В. Васнецов.

Сирин и Алконост. Песнь радости и печали. 1896

В этой книге приоткрывается тайна происхождения общей семьи славянских народов, рассказывается о ее восточной, западной и южной ветвях.

Предыстория и ранняя история славянства восстановлена в течение столетий десятками ученых не только по свидетельствам современников, археологическим материалам, но и по сказкам, преданиям, легендам. Иные исследователи,

чтобы проследить, как складывались судьбы древних славян, совсем как в сказке вынуждены были отправляться в своих научных изысканиях «туда – не знамо куда, за тем – не знаю чем» и в результате кропотливой работы вознаграждали себя, находя «дива дивные» и «чуда чудные», – так образно можно назвать бесценную информацию, которую они обнаружили и которой мы благодаря им располагаем сейчас.

При чтении книги далекое прошлое славянских народов оказывается вдруг неожиданно близким. Что из того, что речь идет о веках, когда предки нынешних русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словаков, сербов, словенцев, болгар, македонцев и др. были в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе новопоселенцами и только осваивались там? Те времена почему-то вовсе не кажутся глубокой древностью. Может быть, это оттого, что многое в ранне-средневековой истории восточных, западных и южных славян отложилось в легендах и преданиях, сказках и былинах, уже хорошо знакомых читателю, особенно юному?

Объединенные общностью происхождения, единой языковой группой, культурой, славяне, конечно, очень похожи, и никакие границы и различия в судьбах не в силах разорвать их давнее, уходящее корнями в глубь столетий содружество.

О происхождении, первых зафиксированных источниками появления славян на исторической сцене, их больших племенных союзах и государствах накоплен необъятный фактический материал. Но летописи и хроники, архео-

логические находки и архивные изыскания, исследования ученых не исчерпывают бесконечные вопросы, возникающие при обращении к таинственной и увлекательной истории древних славян.

Гей, славяне!

Вопрос о происхождении, или, по-научному, об этногенезе, славян – один из самых сложных и запутанных.

Сейчас славяне с достаточно высокой плотностью живут по крайней мере в двадцати странах, составляя примерно 270 миллионов человек на нашей планете и основную часть населения Европы. Еще недавно славянских стран было гораздо меньше, так как целый ряд ныне самостоятельных государств входили в качестве союзных республик в состав СССР и Югославии.

Теперь в мире 14 стран, где славяне количественно преобладают, но при этом представителей славянского этноса, то есть людей одной национальной группы, объединенных общностью территории и языка, больше не стало. Даже наоборот – в силу разных причин, и прежде всего региональных локальных конфликтов 1990-х годов (например, на Балканах) и отсутствия естественного прироста населения, наблюдается убыль славян.

Исторически так сложилось, что Россия, Белоруссия и Украина – это страны, где большинство населения – восточные славяне; Польшу, Чехию и Словакию издавна населяют западные; Болгарию, Сербию, Черногорию, Хорватию, Македонию, Словению, Боснию и Герцеговину – южные.

К. Лебедев. Пляска. 1900

К восточным славянам, помимо русских, белорусов и украинцев, относятся поморы, липоване, горюны, русины; к западным, кроме поляков, чехов и словаков, – лужичане и кашубы; к южным – наряду с болгарами, сербами, черногорцами, хорватами, македонцами, словенцами, боснийцами – еще и помаки. Это значит, что географически границы расселения славян в европейских странах весьма условны. И к

тому же надо иметь в виду, что вкрапления славянского этноса не замыкаются Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европой, но распространяются и на Западную и что славянские диаспоры возникли в Америке, Австралии, Закавказье, Средней Азии.

У славян есть общие праздники: 24 мая – День славянской письменности и культуры и 25 июня – День дружбы и единения славян. Еще в 1848 году на славянском съезде в Праге было учреждено национальное знамя всех славян из трех горизонтальных полос сверху вниз: синей, белой и красной. И сегодня в государственном флаге любой из славянских стран обязательно присутствует один из этих цветов.

Современные славяне – по преимуществу христиане. Большинство из них (болгары, сербы, македонцы, черногорцы, русские, белорусы, украинцы) – православные; на втором месте – католики (поляки, чехи, словаки, словенцы, хорваты, лужичане); на третьем и четвертом – старообрядцы и протестанты; некоторые (например, боснийцы и др.) исповедуют ислам. Разумеется, есть и неверующие.

Общность религии, безусловно, очень сближает, но главное, что объединяет славянские народы, – это, конечно, язык. Славяне говорят на языках индоевропейской группы – одной из самых крупных среди языковых семей на Земле. При всех различиях и несовпадениях устная речь русских, поляков, болгар или чехов имеет много схожего, что проявляется в словах, именах, названиях, построении фраз.

И клич «гей, славяне!» как призыв о помощи (мол, наших бьют!) или выражение солидарности и поддержки в равной степени понятен любому человеку, чей родной язык – один из многих славянских.

Некогда же все славяне и вовсе говорили на одном языке, свободное общение между ними осуществлялось без всяких затруднений, и проблема беспрепятственной коммуникации не упиралась в так называемый языковой барьер, как сейчас нередко бывает. Если сегодня люди из разных славянских стран, чтобы установить контакт, о чем-то договориться, зачастую переходят с родного языка на английский или французский, то в исторически отдаленные времена этого не бывало. Распад языкового единства произошел у славян, по мнению видного российского лингвиста Вячеслава Всеволодовича Иванова, не раньше IX века после Рождества Христова.

Ныне славяне неравномерно расселены от горного массива Судет в Европе до берегов Тихого океана в Азии.

Первое, с чем мы сталкиваемся, пытаясь отыскать древнейшие следы славян на Земле, – это их если не бесконечные, то очень частые перемещения – миграции. Создается впечатление, что где-то две тысячи лет назад они – наполовину оседлый, наполовину кочевой народ. Иначе зачем бы им раз за разом покидать обжитую территорию и устремляться неведомо куда?

На самом деле возделывание земли не мешало славянам

вести подвижный образ жизни, характерный для кочевников-скотоводов, чередуя его с оседлым. То есть они совмещали одно с другим. Рано или поздно им приходилось пускаться в путь в поисках нового места под солнцем.

Сколько раз менялась и перекраивалась политическая и этническая карта древних славян – не поддается учету. Причиной переселений были и природные катаклизмы, и чужеземные нашествия (например, гуннов), и истощение почвы, и естественный поиск новых, пригодных для пашни и пастбищ земель.

В связи с историей любого народа важно установить, где и откуда он первоначально появился, когда, как и чем заявил о себе?

В отношении славян все эти вопросы получили лишь частичный ответ. Многое остается пока не только не ясным, а завязанным в тугой узел противоречивых гипотез, безосновательных догадок, плохо согласующихся между собой фактов, словно пытаясь распутать таинственную историю славян, каждый исследователь вытянул из сложных хитросплетений образовавшегося клубка загадок свою отдельную нить, но в целом ряде случаев концы оказались ложными целями и потому не приблизили к истине, а, пожалуй, даже отдалили от нее, образовав новые узлы.

Прародина славян, как показали обстоятельные исследования последних десятилетий, может располагаться в широкой географической амплитуде от бассейна Одера до Ура-

ла. Авторитетный археолог и этнограф Мария Гимбутас (она родилась в Литве, но ее профессиональная научная деятельность в полную силу разворачивается в университетах США, куда она переехала после Второй мировой войны) локализовала обширную зону, где следует искать истоки славян, до двух ареалов. Это, во-первых, район между Одером и Вислой, на стыке Германии и Польши, и, во-вторых, территория современной Украины севернее Черноморского побережья. М. Гимбутас и более точно указывает место первоначального расселения славян: область между бассейнами Вислы и среднего Днепра. К этим выводам ученый приходит, проведя фундаментальное изучение ранних исторических источников и сравнив их с лингвистическими (географические названия – топонимы) и археологическими сведениями.

Тем не менее в научной литературе, посвященной этногенезу славян, до сих пор велика примесь баснословного. Несколько столетий историки упорно отделяли достоверное от вымыслов, но цветистые и яркие подробности из разных легенд и сказаний нет-нет да вплетались в канву на первый взгляд вполне академических текстов.

Как и другие большие народы, славяне выводили свое прошлое из библейской истории. Отсюда предание о предке славян Гелисе – сыне Явана который в свою очередь был сыном Яфета и внуком прародителя человечества Ноя, спасшегося на своем ковчеге во время Всемирного потопа.

По другой версии, начало славянскому роду положили

Яфетовы правнуки Скиф и Зардан, поселившиеся в Северном Причерноморье. От них произошли пять братьев: Славен, Рус, Болгар, Коман и Истер, каждый из которых – родоначальник одного из славянских народов.

Есть разные вариации раннего и сравнительно позднего эпоса, связанные с мифическими братьями-первославянами. Например, известно предание о том, как в долине Дуная (или какой-то другой местности: в Татрах, на Карпатах, у побережья Адриатики и т. д.) некогда жили братья Чех, Лех и Рус, но потом они разбрелись в разные стороны, и от них произошли чехи, поляки (ляхи) и русские.

Интересно разобраться в этимологии (происхождении) самого слова «славяне». Славяне – это самоназвание, то есть так называли себя в древности они сами, подчеркивая свою принадлежность к понятно говорящим, в отличие от немцев («немых»), чужестранцев, изъясняющихся на неведомом языке. Славяне – значит ясно говорящие, такого же речения, объединенные общим словом, «слывущие» (могущие быть услышанными). Следовательно, имя этого народа – производное от «слова».

По другому объяснению, природа слова «славяне» связана со славой: славные люди, славные в воинстве, мужестве и храбрости.

Собственно говоря, «слово» и «слава» – лексемы, образованные от одного корня, и происходят от глагола «слыть» – быть известным.

Малосостоятельной и вместе с тем менее лестной представляется гипотеза, согласно которой славяне – обозначение невольников. Так называли военнопленных чужестранцев из дальних земель древние римляне, и затем из латинского *sclavus* (раб) последовали западноевропейские заимствования в немецком, английском и скандинавских (шведский, норвежский, датский) языках.

Рослые, сильные, славяне в самом деле нередко становились, попадая в плен, живым товаром, широко продавались и пользовались спросом на невольничьих рынках, но в то же время – не больше чем, например, фракийцы, даки, германцы, франки, балты или представители других «диких» народов, которых римляне высокомерно называли варварами или вандалами.

Не выдерживает критики и выдвинутое на рубеже XIX–XX веков предположение лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ о происхождении этнонима «славяне» от имен собственных, оканчивавшихся на «слав»: Владислав, Судислав, Мирослав, Ярослав и других. По мнению этого исследователя, название «славяне» возникло вначале в среде римлян, захвативших на восточных границах своей империи множество рабов с такими именами. Звучное окончание «слав» будто бы постепенно превратилось в Риме в нарицательное название всякого раба вообще, а в дальнейшем и народа, выходцами из которого была изрядная часть этих рабов. Особенно абсурдным представляется допущение Бодуэном де Куртенэ

того, что слово переняли у римлян сами славяне и тоже именовали себя рабами.

От Прикарпатья до Альп

Как бы широк ни был географический разброс точек изначального обитания славян, точнее, пра-, или протославян, они устойчиво тяготели к берегам Черного моря – Понта Эвксинского, как называли его проникшие сюда в качестве колонистов древние греки. Именно древнегреческий ученый Птолемей (ок. 90 – ок. 160) в труде «География» дал сводку основных сведений об античном мире – ойкумене и впервые упомянул о «словенах» (славянах). После него в VI веке о них уже как о «скловенах» в сочинении «Война с готами» пишет византийский историк Прокопий Кесарийский.

У одних античных авторов со славянами ассоциируются венецы (венеты) и анты, у других – скифы и сарматы, но сколько-нибудь убедительные доказательства в пользу того, что эти народы могут быть соотнесены со славянскими этносами, отсутствуют, причем наиболее уязвимый и спорный момент принадлежности славян к антам или прочим выше-названным народам – разноязычие. Так, например, и скифы, и сарматы – представители иранской языковой группы.

Нет оснований не доверять лингвистической географии – выделившейся из языкознания науке, изучающей территориальное распространение языковых явлений. Так вот, согласно ее данным, привязка доминирующих мест обитания древних славян к черноморским берегам вызывает серьез-

ные сомнения, так как не находит подтверждения в языке: морская лексика с обозначением природы, климата, рельефа местности (залив, ущелье, дюны и т. п.) или напрочь отсутствует, или совершенно очевидно заимствована из неславянских языков, тогда как в широком употреблении слова, которые никак не отнесешь к прародине у моря: для буйных трав, густых лесов, кустарников, деревьев, болот, рек, озер, заводей, то есть того, что составляет пейзаж не южной, а скорее северной полосы, названий более чем достаточно. В порядке вещей такие элементы ландшафта, как поляны, холмы, овраги, но нет ни гор, ни скал, ни шале, ни прибоя, ни гальки, ни морской шири и штормов, бриза и штиля.

Ж.-П. Лоренс. Смерть Тиберия. 1864

Разумеется, славяне сколько угодно могли менять географические зоны, скитаться из региона в регион, но быть все-таки выходцами с берегов Понта Эвксинского. Но тогда почему следы их первоначального пребывания не отложились и не закрепились в языке? Может быть, потому, что сами они были «не местные» и их неодолимо тянуло в теплые и сытые края из суровых и голодных земель, где борьба за выживание слишком дорого им обходилась?

Нет сомнения в том, что славяне не только сами по своему почину меняли места обитания, но и вынуждены были спешно бежать, встав на пути могущественных завоевателей древности. Попадая под волны агрессивных нашествий, уцелеть, сохранить свои традиции, обычаи, этническую целостность и идентичность было весьма проблематично. Естественно, что, если славяне не успевали скрыться и маршруты очередных вторжений и захватов пролегали по их землям, ассимиляция, утрата индивидуальных особенностей и культурной самобытности оказывались неизбежны. Однако славянский этнос не был погребен ни под лавиной скифов, ни под натиском сарматов, ни при набегах аваров. Он выстоял, и частично пришельцы сами растворились среди местного населения. Сарматы, к примеру, даже поменяли кочевой образ жизни на оседлый и фактически слились со славянскими племенами.

Конечно, вытеснение более сильными и воинственными слабыми в так называемую эпоху Великого переселения народов было неизбежной реальностью, но к славянам это не относится. Во-первых, они обладали достаточно высокой сопротивляемостью, чтобы покорно дать себя поглотить; во-вторых, сами зачастую были нападающей стороной. В тогдашнем жестоком мире они вполне боеспособные участники бесконечных схваток и стычек за передел территорий, и считать их всего лишь мирными пахарями и кроткими пастухами, которые лишь трудятся не покладая рук, было бы не

только наивным, но и заведомо притянутым за уши отступлением от истины. Во всяком случае, соседи славян что на севере, что на западе (германские племена, кельты и балты), что на востоке и юге (скифы, сарматы, фракийцы, иллирийцы) видели в них реальную угрозу. И им было чего опасаться. Даже могущественная Византия времен императора Юстиниана (527–565) вынуждена считаться со славянами, после того как ее экспансия на Дунай и в глубь Причерноморья не принесла ожидаемого результата и оказалась напрасной тратой времени, сил и средств. К тому же вскоре греки получили адекватный ответ, который, кстати, сами и спровоцировали. Отряды славян смели византийские укрепления на Дунае и дошли до центра Балкан, а военные флотилии грозили Царьграду и свободно плавали по Эгейскому и Средиземному морям. Византия не смогла воспрепятствовать этому активному проникновению в зону своих геополитических интересов и смирилась с тем, что восточная часть Балканского полуострова была заселена поднепровскими и приднепровскими славянами, а также пришедшими из Прикарпатья хорватами. Одновременно западнославянские племена утвердились в Центральной Европе. Вероятно, от правого берега Дуная они поначалу продвинулись вплоть до Альп, но затем откатились на восток. Наличие в их лексике слов из итальянских языков, в частности очень схожие названия гончарной посуды, красноречиво свидетельствует о том, что славяне длительное время располагались не только на задворках За-

падной Европы. Это не значит, что, взаимодействуя с другими племенами и народами, они знали лишь язык войны и все их соприкосновения и контакты с соседями не обходились без оружия, но именно военный ресурс и готовность к вооруженному противостоянию «чужакам» играли не просто важную – решающую роль.

Если достоверны свидетельства византийских историков, в VI веке римский император Тиберий вознамерился сокрушить славян руками воинственных аваров во главе с их каганом Баяном. Собрав тяжеловооруженную и многочисленную (около 600 тысяч человек) конницу, он обрушился на славянские поселения, уничтожая все на своем пути. Считая, что дело сделано и сопротивления не будет, Баян послал к славянским вождям гонцов с требованием принять его власть, покориться и платить ему дань. Гордый ответ славян не заставил себя ждать. «Да разве есть на свете человек, – прочел заносчивый Баян, – который осмелился бы насмеяться над таким народом, как наш? Мы привыкли подчинять другие народы, но не признавать их владычество. Мы не позволим никому править нами, пока можем сражаться и держать в руках оружие».

К сожалению, на протяжении мировой истории не раз бывало так, что военные успехи славянства вскоре обесценивались, ибо славяне побеждали, а противники выигрывали.

Здесь уместна ремарка: со времен Средневековья про славян ходило много небылиц. Так, им приписывали избыточ-

ную жестокость и гипертрофированную агрессивность. Современный российский историк А.А. Бычков, к сожалению, принимает подобные измышления за чистую монету и в своей претендующей на сенсационность книге «Происхождение древних славян» (М., 2007), не оспаривая и даже не комментируя, приводит следующий отрывок из «Славянской хроники» немецкого миссионера Гельмольда: «... славяне – народ беспримерной жестокости, который не может жить мирно и не перестает досаждать соседям как на суше, так и на море. Невозможно вообразить все виды смерти, которые они изобрели для уничтожения христиан. Иногда они привязывают конец их кишок к дереву и выматывают их, заставляя ходить вокруг ствола. Иногда они их распинали на кресте, чтобы таким образом посмеяться над символами нашего спасения. Ибо они считают, что нет большего злодейства, чем распятие на кресте. Тех, за кого они решили взять выкуп, они подвергают мучениям и надевают на них путы самым невероятным образом».

Конечно, Гельмольд не беспристрастен и более чем заинтересован представить славян (в данном случае полабских) как можно более дикими и свирепыми. Еще в начале XX века московский профессор Д.Н. Егоров в своей докторской диссертации «Славяно-германские отношения в Средние века...» дал отповедь инсинуациям немецкого хрониста. Его опубликованное в двух томах исследование (М., 1915) – это кропотливый источниковедческий разбор сочинения Гель-

мольда и опровержение пункт за пунктом его данных, включая приведенные «ужастики». Любителей цитировать соответствующие места из «Славянской хроники» нашлось немало. Так что А.А. Бычков – далеко не исключение, не первый и, по-видимому, не последний. Но вот если бы он познакомился с трудом Д.Н. Егорова, не было бы необходимости по второму кругу доказывать очевидное: славяне нарочно изображены монстрами и изуверами, дабы как-то оправдать кровавое и беспощадное подавление их яростного сопротивления в ответ на насильственное крещение. Пожалуй, пламенная публицистка В.И. Новодворская впадает в другую крайность, когда без тени сомнения уверяет: «Славяне единственные в Европе не знали пыток...», но она, безусловно, права в том, что вовсе не у них была пальма первенства в расправе с недружественными людьми.

Манера некоторых средневековых авторов с тем или иным расчетом выдавать частные, единичные случаи за массовую практику хорошо знакома. При желании и древлян, подвергших киевского князя Игоря изощренной казни, можно представить отъявленными садистами. Ведь они не просто умертвили его, а привязали за ноги к верхушкам двух сведенных вместе пеньковой бечевой гибких деревьев, затем отпустили веревку, и несчастного Игоря разорвало пополам. Что и говорить, жуткая смерть. Но это была крайняя мера, наказание за безудержную алчность князя, который, взяв одну дань, тут же вернулся за другой, решив, что получил слишком мало.

То есть древляне специально устроили ему жестокую образцово-показательную казнь в назидание, чтобы другим неповадно было.

Известны две яркие и значимые археологические культуры позднего бронзового и раннего железного века — *лужицкая* и *Черняховская*, косвенно повлиявшие на становление протославян. Генетически та и другая связаны с ними лишь гипотетически, но обе сформировались в областях будущего обитания славянского этноса: первая — на территории Восточной Германии, Польши, Чехии и Западной Украины, вторая — на правом берегу Днепра. В чем-то эти культуры походили на складывающуюся у праславян, какие-то отдельные черты и особенности они позднее воспроизвели и заимствовали. Скажем, такие элементы лужицкой культуры, как поселки из домиков на столбах и со стенами, обмазанными глиной или забранными досками, получают распространение в жилых строениях славян, а из черняховской они почерпнут навыки земледелия и раннего ремесла. В точности не установлено, кем были носители лужицкой культуры. Одни исследователи относят их к кельтско-италийской языковой группе, другие — к иллирийской. Но польские и чешские археологи не исключают здесь протославянскую, восходящую к глубочайшей древности составляющую. Что же касается «черняховцев», то они — в основном иранцы и фракийцы. Вместе с тем среди них, возможно, уже были и праславяне. Во всяком случае, чисто хронологически (памят-

ники черняховской культуры датируются II–IV веками) это вполне допустимо.

Таинственные готы

Когда о ком-нибудь из русских, чехов, поляков, украинцев и т. д. говорят «типичный славянин» или «настоящая славянка», тем самым обращается внимание на нечто общее, характерное именно для этого этнотипа: разрез глаз, прямой или картошкой нос, высокие скулы, правильные черты лица.

Подчас споры о сущности «славянской расы» и степени ее устойчивости и непроницаемости выходят за рамки научного поля и приобретают откровенно националистическую (с акцентом на «особость», исключительность) окраску.

Есть и противоположное мнение: славяне – не чистый этнос, их кровь – причудливый «коктейль», результат смешения многих племен и народов, которых некогда свела вместе история.

Известное присловье «Поскреби любого русского – проступит татарин» как раз напоминает о плотных контактах восточных славян не только с монголами, но и со степняками или «степью», как собирательно названы в древних летописях половцы, крымцами, ногайцами, кочевья которых пролегли когда по соседству с Русью, а когда и прямо через русские границы.

Примерно так же обстояло дело у южных и западных славян. Их монолитность и этническая стерильность постоянно подвергались проверке на прочность.

Вряд ли сегодня есть сомнения в том, что период Великого переселения народов (IV–VII века) не был тем самым плавильным котлом, в котором кому-либо удалось не утратить свою этническую девственность. Это невозможно, как говорится, по определению. И в то же время, смешиваясь, ассимилируясь, славяне наряду с некоторыми другими народами, по-видимому, в высокой степени сохранили этнонесущее ядро, вобравшее в себя язык, обычаи, особенности.

У. Кеки. Гунны вторгаются в Италию

Генетическая и культурная однородность никогда не была гарантом консолидации славян в единую общность. Происходя из одного лона, они порой быстрее находили общий язык не между собой, а с теми разноэтническими массами, которые на короткое или долгое время становились их сосе-

дями по среде обитания.

Единение славян – величина относительная и непостоянная. Пожалуй, заявительно, на уровне риторики, желаний и благих намерений оно присутствует в прошлом, как, впрочем, и в настоящем, обильно и неизменно, но, увы, это больше метафора, золотой миф, плод идеализации, дань традиции и известному направлению (панславизм) общественно-политической мысли, чем реальность. На деле солидарность и взаимопонимание в славянском мире на чаше весов истории уравновешены конфронтацией и разногласием, и временами недружественные отношения внутри отдельных племен и между целыми межплеменными союзами достигали не меньшей остроты, чем конфликты с внешними врагами. Диалектика такова, что братские узы не всегда оказывались достаточными, чтобы жить в ладу, а с не родственными «по крови» племенами и народами вдруг устанавливалась полная близость, налаживались стабильные связи. У восточных славян – предков русских – именно такие отношения сложились, например, с финно-угорскими племенами – мерей, мордвой, муромой и т. д.

Надолго и всерьез исторические судьбы славян пересеклись с готами. На территории современной России (Ярославско-Костромское Поволжье и междуречье Волги и Клязьмы) проживала меря – народ, который в III веке входил в образованное группой восточногерманских племен государство готов.

В начале нашей эры готы населяли южное побережье Балтики и земли по течению нижней Вислы. В первой половине III века они распространили зону своего пребывания до Подунавья, нижнего Приазовья и Крыма. Именно тогда они вошли в плотное соприкосновение со славянскими и финно-угорскими племенами, ставшими их военными союзниками. Через готов (помимо Византии) славяне приобщились к христианству (те приняли эту веру в IV веке в форме арианства) и к рунической письменности. Преломление наследия готов в культуре славян еще ждет обстоятельного исследования.

Готы – выходцы из Скандинавии. Их язык относится к восточной группе германских языков. Поскольку готские и славянские племена нередко сообща действовали против римлян, последние тех и других считали единым народом и называли варварами. Длительное время (вплоть до XVIII века) принадлежность славян к готам допускалась хронистами и историками. Тем не менее, будучи индоевропейцами, они представляют собой разные этнические группы.

Археологи проследили пути миграции готов и установили, что к началу III века они заняли громадное географическое пространство от Дона до Дуная и облюбовали, в частности, полуостров Таврида – современный Крым. Они настолько там освоились и укоренились, что позднее средневековые авторы будут воспринимать их как автохтонов, то есть аборигенов, исконное местное население. Прежние греческие ко-

лонии Боспор, Херсонес, Ольвия и другие, где попеременно утверждали свою власть римляне и скифы, теперь стали частью аморфного, но географически обширного конгломерата, который историк Иордан даже пышно именует империей готов.

На самом деле приоритет собственно готов в военизированном политическом объединении, существовавшем в III–IV веках, вовсе не очевиден и достаточно номинален. Завоеватели Северного Причерноморья растворились в многочисленном и этнически пестром местном населении (в том числе праславянском), которое они втянули в морские и сухопутные походы на Кавказ, в Малую Азию, на острова Родос, Крит, Кипр, в византийские владения на берегах Средиземного моря.

Было время, когда ученые не исключали, что открытая в конце XIX столетия киевским археологом В.А. Хвойко на правом берегу Днепра Черняховская культура в основе своей – готская. Однако новейшие исследования опровергли это предположение – сохранившиеся материальные памятники однозначно позволяют прийти к выводу: идентификация «черняховцев» как готов ошибочна.

Впрочем, это не отменяет того, что, смешавшись с жителями Тавриды и других причерноморских земель, готы привнесли туда что-то свое, оставили в местной среде обитания свой след. И конечно, результатом их долгого присутствия были неизбежные заимствования, отразившиеся

в славянских языках в виде названий, понятий, морфем и фонем. Автор работ «Судьба крымских готов» (Берлин, 1890) и «Разыскания в области гото-славянских отношений» (СПб., 1899) Ф. Браун справедливо обращал внимание на целый ряд совпадений, проистекающих не из индоевропейского родства германского и славянского языков, а из длительного совместного проживания их носителей. В качестве примеров ученый приводил близкие значения и схожее звучание многих слов, и не нужно быть специалистом в транскрипции, чтобы убедиться в его правоте. Так, готские существительные *hlaiws*, *hlaiw*, *hus*, *stalla*, *rauba* или глаголы *afmojan*, *domjan* заметно перекликаются с русскими, семантика которых соответственно «хлеб», «хлев», «хижина», «стойло» (конюшня), «роба» (платье, одежда), «маяться» (уставать, выматываться), «думать». Если продолжить этот ряд примеров, то вполне возможно, что этимологию слова «буква» надо искать в готском *boka* – одновременно означающем бук (название дерева), буквы (их вырезали на буквых дощечках) и книги, а слово «хоругвь» образовано от готского *hrugga* – палка, стяг на палке.

Но готский фактор в языке и культуре славян в отечественной науке лишь недавно не отмечается с порога и не сбрасывается со счетов как заведомо неприемлемый и антиисторичный. Ведь тот же Ф. Браун – яркий представитель так называемой варяжской теории, согласно которой дикая первобытная Русь приобщила к государственности и вообще к

цивилизации посредством призванных на княжение восточными славянами скандинавских князей.

С XVIII по начало XXI века «варяжский вопрос» и рассматривался в литературе в спокойной тональности, и становился камнем преткновения между «патриотами-славянофилами» и «космополитами-западниками». Первые весьма болезненно реагировали на признание вторыми непреложным фактом того, что фундамент государства Российского был заложен норманнами (варягами).

И в самом деле, сама по себе такая постановка вопроса, особенно в контексте с конкретной политической ситуацией, может претить русскому сердцу, оскорблять и ранить национальное самолюбие, мешает испытывать законную гордость за свою страну и ее славное прошлое. И пусть к науке эти эмоции прямого отношения не имеют, но и сегодняшним гражданам России в большинстве своем, мягко говоря, не слишком приятно читать безапелляционные сентенции того же Брауна типа следующей: «Русское государство, как таковое, основано норманнами, и всякая попытка объяснить начало Руси иначе будет напрасным праздным трудом».

Понятно, почему констатация готской составляющей в истории и культуре славян приравнивалась едва ли не к антипатриотизму и национал-предательству, а выведение даже малой толики русского лексикона из словаря готов рассматривалось как верный признак принадлежности к норманнистам – поборникам «варяжской теории».

Сегодня гото-славянские отношения освещаются в отечественной исторической литературе сравнительно ровно, и, хотя отдельные перегибы, натяжки, отступления за рамки научной полемики пока еще встречаются, в целом история готов и славян трактуется со всеми ее изломами, изгибами, хитросплетениями, взаимовлияниями и в увязке с адаптацией к предшествующим и последующим контактам славян с суперэтносами тогдашнего мира.

После готов славяне были вовлечены в водоворот завоеваний пришедших в первой половине III века из Центральной и Средней Азии кочевников – гуннов. Однако это нашествие обрушилось главным образом на германцев и иранцев, а дружественным гуннам предкам славян оно даже пошло на пользу. На волне гуннских походов те их племена, которые еще не покинули берега Балтики, начали движение на новые территории и расселились на обширных пространствах Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, в основном в бассейне Одера, Дуная, Днепра, Оки и на их притоках. Достигли переселенцы и границ Византии, дав грекам новый повод бояться славянской угрозы.

Миф о Гиперборее

Давний миф об Атлантиде Севера – Гиперборее – в последние годы вдруг приобрел реальные исторические очертания. И вот уже в некоторых публикациях можно прочесть, что именно на Крайнем Севере некогда находилась прародина славян, или, иначе говоря, гипербореев (гиперборейцев).

Имя этой легендарной страны состоит из двух греческих слов: «гипер» (за, по ту сторону) и «борей» (северный ветер). То есть Гиперборея буквально означает: страна за северным ветром. Еще одно ее название – Арктида. Географически она, предположительно, располагалась на самом севере Евразии, за полярным кругом.

О Гиперборее, где солнце не садится за горизонт по несколько месяцев и столько же продолжается зимняя ночь, поведали древнегреческие авторы Геродот, Страбон, Диодор Сицилийский, а римский писатель, ученый, полководец и государственный деятель Плиний Старший, ссылаясь на предания, пишет, что в этой стране каждый день длится полгода.

В литературе античного времени Гиперборея-Арктида именуется по-разному (Туле, Скандия, Рутения, Эритий и т. д.). Есть расхождения и в ее местоположении. В большинстве случаев координаты таинственной страны – это Крайний Север, но великий ученый древности Клавдий Птолемей в своем знаменитом астрономическом сочинении «Аль-

магест» сообщает, что она находится в 250 километрах (по меркам современной метрологии) от Черного моря.

Описание земли, в северных широтах омываемой Ледовитым океаном, присутствует в Ведах – древнеиндийском эпосе и Авесте – собрании священных книг Ирана первой половины 1-го тысячелетия до нашей эры.

И. Билибин. Остров Буян. 1905

В сказаниях славянских народов встречается сюжет, связанный с хрустальной горой. В русской народной сказке, например, ее главный герой Иван-царевич, превратившись в ясного сокола, долетел до тридесятого государства, «а то государство больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору». Очень может быть, что стекло, а тем более хрусталь здесь всего лишь метафора. Некоторые фольклористы предполагают, что на самом деле речь идет о снежно-ледяной вершине или застывшей и затвердевшей на морозе массе воды. Ведь, как известно, айсберги, громадные куски, отколовшиеся от ледника, бывают не только на плаву. Нередко их выносит на поверхность, они прочно садятся на мель, составляя характерную часть красочного арктического пейзажа. Почему бы не допустить, что такой своеобразный ландшафт окружал древних гипербореев?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.